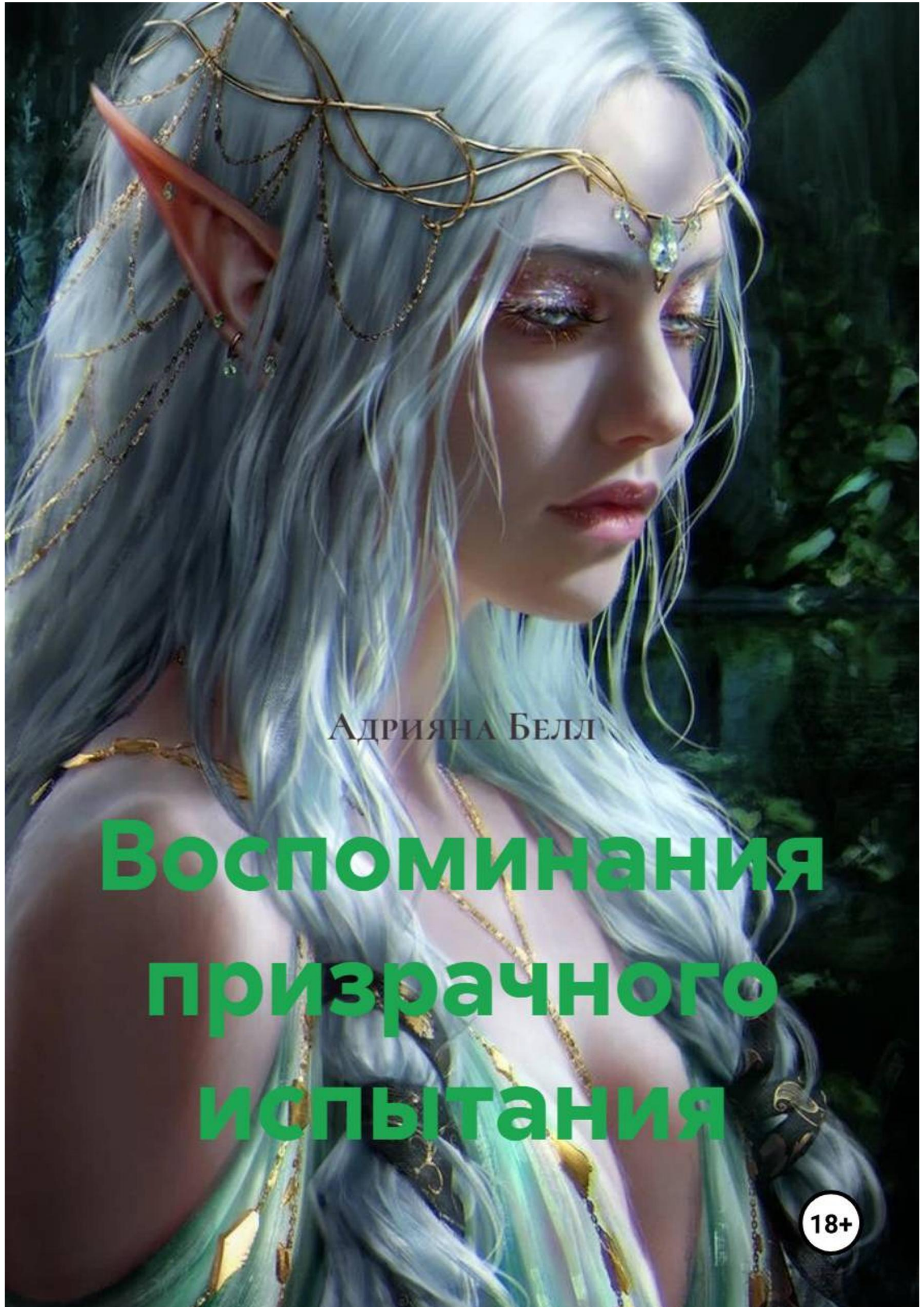

Адриана Белл

**Воспоминания
призрачного
испытания**

18+

Адриана Белл

**Воспоминания
призрачного испытания**

«Автор»

2026

Белл А.

Воспоминания призрачного испытания / А. Белл — «Автор»,
2026

«Воспоминания призрачного испытания» — это история о борьбе за выживание, о поиске себя в лабиринтах чужой воли, о запретных желаниях и тайнах, окутывающих происхождение главной героини. Сможет ли Янэс вырваться из цепей, которые, кажется, преследуют её всю жизнь, или станет лишь очередной игрушкой в руках тех, кто жаждет власти и обладания?

© Белл А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Адриана Белл

Воспоминания призрачного испытания

Пролог

Ее имя, Янэс иль Филь, звучало как шепот ветра среди вечнозеленых деревьев призрачного мира. Но никто не знал ее настоящего появления здесь. Лишь слухи, словно дымка, окутывали ее появление на свет: о великой вспышке, о внезапном исчезновении ее матери, королевы племени «Белое Перо» - Луны, и принца темных эльфов, Дарниэля. Среди призрачного народа у Янэс не было никакого титула. Она была чужачкой, дитя тайны, порождение противоестественного союза. Для всех она была странной, вызывающей одновременно любопытство и страх.

Росла в мире, где каждый взгляд был пропитан подозрительностью, оставлял неизгладимый след. Её красота, хоть и уникальна, была пугающей. Глаза, меняющие цвет от изумруда до глубокого фиолетового, волосы, струящиеся, как свет луны, и огромные белые крылья за спиной – все это говорило о ее демоническом или, что еще хуже, божественном, непостижимом начале. Её не понимали, боялись и сторонились. Обучение было лишь способом удержать силу под контролем, способом обезопасить мир от того, кем она могла стать. Жестокость стала ее единственной собеседницей, а дисциплина – тюрьмой.

Когда Янэс исполнилось четырнадцать, ее продали. Не замуж – заложницей. Этот акт стал следствием политических игр, призванных укрепить союз между соседними странами, хотя было больше на то что король, решил избавиться от ненавистной внучки. Ее покупателем стал извращенец, чье имя даже шептать было противно. Он видел в ней не личность, не дочь из королевской семьи, а лишь игрушку, сосуд для удовлетворения своих темных желаний и прихотей его грязных друзей. Каждое его прикосновение обжигало, оставляя на душе невидимые шрамы. Она научилась быть мертвой внутри, отдавая свое тело, но сохраняя нетронутой душу, где-то глубоко-глубоко. Этот ад длился ровно год...

Год, который закончился криком. За убийством ее мучителя последовал шок. Брат насильника, в борьбе за наследство, совершил акт кровопролития, обставив так как будто он сам перерезал себе горло, именно это и даровало Янэс долгожданную свободу. В тот момент, когда она поняла, что больше не должна терпеть, что свободна от этой гнили, ее сердце наполнилось невообразимым облегчением. Это было первое настоящее чувство радости, которое она испытала за всю свою жизнь. Вырвалась! Она – свободная!

Но это счастье оказалось хрупким, как осенний лист. В двадцать лет, когда она еще только начала привыкать к самой мысли о независимости, ее вновь призвали. На этот раз – другой мир, другая планета. Она покидала королевство Мильхэль, где по сей день правит ее бабушка – Агатињес иль Филь первая, что в будущем будет великой богиней судьбы. А отправлялась в Финсельбурк – королевство, где властвовал жестокий король, темный эльф. Здесь, как слышали слухи, Янэс, лишённая титулов среди призраков, должна была стать принцессой, будущей спутницей, матерью страны. Король Финсельбурка, чье имя внушало трепет и страх, казался таким же прекрасным, как и жестоким. Его королевство, величественное и суровое, раскинулось на самой грани понимания. Янэс вновь почувствовала, как холод сковывает ее изнутри. Страх перед новым браком, неизвестностью, жестокостью, которая, казалось, преследовала ее всю жизнь, сдавила грудь.

Однако, где-то в глубине души, рядом с этим всепоглощающим страхом, зародилось иное, странное чувство. Желание оказаться рядом с этим величественным, прекрасным, но столь же холодным королем. Стремление увидеть его, узнать. Будто какая-то неведомая сила,

возможно, та самая, что связывала ее с бабушкой, тянула ее к нему, не смотря на всю боль и страх, что она уже пережила. Это было опасно. Это было безумно. Но остановить себя она уже не хотела и возможно не могла.

Глава 1

В тронном зале Королевства Мильхэль царила тишина, лишь лёгкий шорох воздушной ткани нарушал её. Королева Агатињес иль Филь, богиня судьбы и правительница этого величественного мира, правила здесь уже столько, что время для нее стало лишь переменчивой декорацией. Сегодня она выглядела как утончённая девушка лет шестнадцати – эта способность останавливать свой возраст была лишь одной из бесчисленных привилегий вечно живущих. Её глаза, каждый в своём неповторимом цвете – один изумрудный, другой лучисто-фиолетовый – внимательно изучали нежданного гостя. Львиную гриву её черных волос венчала корона, украшенная сверкающими кристаллами чёрного бриллианта. Одежда, струящаяся, но при этом смело открывающая достоинства, пленяла завораживающим, переливающимся оттенком, словно сотканная из самого рассветного неба. На коленях королевского трона, свернувшись в уютный клубок, спал милый львёнок, совершенно не обращая внимания на напряжённость момента.

Королева отдала приказ – оставить их наедине. Никого, кроме неё и гостя, не должно было быть рядом. Гостем этим был король Финсельбурка, тёмный эльф, чьё имя стало синонимом жестокости и власти. Он прибыл сюда с определённой целью, и беседа их была обречена на то, чтобы изменить ход судеб.

— Приветствую вас, Анут Иабор Хэв Дианит Тийс Семнадцатый, — произнесла Агатињес, её голос был спокоен, но в нём чувствовалась скрытая сила. — Скажу честно, вы удивили меня своим появлением. Я не смогла этого предвидеть. Ответьте же мне, с какой целью попросили аудиенции со мной?

Король Финсельбурка, склонившись в издевательском поклоне, отозвался с притворной учтивостью:

— Уж не надо лгать, у вас, Агатињес, ни один мускул тела не вздрогнул, или вы постоянно находитесь в состоянии статуи? — король хищно усмехнулся. — А цель визита у меня проста: ходят слухи, что вы, великая богиня, обзавелись внучкой, чья красота превосходит даже вашу. Правда или ложь?

— Любопытно, — в голосе королевы прозвучал холодок, но на лице всё так же играла маска безразличия. — Даже до вас добрались эти слухи. Жаль, что некоторые не могут держать язык за зубами.

— Королева Агатињес, я ненавижу тратить своё время впустую, — король сменил тон, становясь более прямолинейным. — Хотелось бы как можно быстрее решить все дела и вернуться к себе. Уж вы - то знаете, что быть далеко слишком долго — опасно.

— Знаю, — Агатињес взмахнула рукой, и на гладкой стене тронного зала открылась арка, за которой виднелся портрет девушки. Это последнее, что она хотела показать. Лучше бы эта девушка навсегда осталась погребена в склепе. Но король требовал, и портрет стал свидетельством того, кого он желал.

Король Анут Иабор Хэв Дианит Тийс Семнадцатый смотрел на портрет, не в силах понять — видит он правду или ложь. Ведь девушка и вправду была изумительна, словно хрупкая статуэтка. Как же он захотел ей обладать, познать, какова она на вкус. Мысль о том, что её будут касаться другие, одновременно возбуждала и злила его.

— Я хочу её, — сказал он. В его голосе прозвучал не просто приказ, а голодное, звериное желание, в котором слышалась застарелая ненависть к понятию "отказ". Другой бы испугался, но не Агатињес.

— Репутация о вас и ваших действиях уже давно мне известна, — спокойно ответила королева, в её голосе не было ни тени сомнения, лишь сверлящая уверенность. — И вы думаете, что я, Агатињес иль Филь, отдам вам своё сокровище? Ваши похотливые мысли и извра-

щённые фантазии мне известны так же хорошо, как и ваша неспособность принять "нет". Уверена, что вы поступите с ней так же, как и с другими...

— Наглая ложь! Вы не знаете ничего! — Король почувствовал, как его гордыня, его искажённое чувство обладания, раздрает его. В тронном зале начало резко темнеть, словно он высасывал из мира всю радость и свет, превращая его в своё мрачное отражение, где царят лишь его желания и ненависть к любому, кто смеет ему перечить.

— Любопытно, вы меня удивляете, — Агатињес не дрогнула. Её вечность и безразличие к чужим страстям были непробиваемы, как алмаз. Ей было на всё наплевать, кроме её собственной воли, которую никто не смел оспаривать. — Хорошо, я позволяю вам. Можете забрать.

Король лишь презрительно ухмыльнулся, в его глазах мелькнул опасный огонёк. Он низко поклонился, и в этом поклоне была вся его надменность и предвкушение. Затем, следуя за слугой, он направился в покои той самой девушки, чья красота разожгла в нём столь низменное и отчаянное желание.

Янэс или Филь, чьё существование было столь тщательно скрываемо, сидела в своём любимом кресле. Оно было мягким и уютным, словно объятия самой судьбы, и располагалось рядом с распахнутым окном. За ним раскинулся мир, который она видела лишь мельком, от которого её желали уберечь. На ней было белоснежное, лёгкое платье. Ткань, настолько тонкая, что почти растворялась на коже, облегла её фигуру, подчёркивая каждый изгиб, словно вторая кожа. Оно было невесомым, и лишь легчайшие складки струились вниз, касаясь пола, добавляя образу эфирности — будто она была соткана из лунного света и утренней росы. В руках Янэс покоилась книга — древний фолиант, испещрённый незнакомыми символами. Её пальцы, длинные и изящные, легко скользили по страницам, увлечённо следуя за строками. На лице играла безмятежная улыбка, порождённая погружением в чтение. Белоснежные волосы мягко спадали на плечи, обрамляя фарфоровое личико. Глаза, глубокие и лучистые, светились живым умом и любопытством.

В этот миг мир вокруг неё дышал умиротворением. Её существование было защищено стенами этой обители, а внешний мир казался далёкой, не касающейся её сказкой. Лёгкий ветерок, проникающий извне, ласково трепал её волосы и приносил тонкие ароматы диких цветов. Всё в окружавшей её тишине предвещало спокойствие, которое, казалось, могло длиться вечно. Но эту идиллию нарушила лёгкая поступь. Кто-то приближался. Несмотря на полное погружение в книгу, Янэс почувствовала это — тонкую вибрацию в воздухе, изменение энергетического поля. Её книжная безмятежность начала медленно таять, уступая место предчувствию чего-то иного. Вошла служанка. Она склонилась в поклоне, но её руки мелко дрожали, а глаза были широко раскрыты от испуганного ожидания.

— Милая хозяйка... — её голос сорвался на тихий, прерывистый шепот. — К нам прибыл... прибыл гость. Поговаривают, это он... тот самый король из Финсельбурка. Тот, что за лезть отрезает языки своим придворным. Говорят, он мрачный, как его собственные склепы...

Янэс медленно подняла глаза от книги. Её лицо было совершенной маской безразличия. Белоснежные волосы, цвета лунного света на первом снегу, мягко ниспадали на плечи, словно холодное сияние, отделяющее её от всего живого и эмоционального вокруг. Лёгкая складка между её идеально очерченными бровями появилась лишь на мгновение, как признак рассеянного, почти механического интереса. К её бабушке часто приходили буйные посетители. Их крики и угрозы были для неё лишь фоном, как шум ветра за окном.

— Он кричал? — её голос был прозрачным и холодным, как стекло зимнего окна. В нём не было ни тревоги, ни даже простого человеческого любопытства.

— Он... он был в тронном зале с Вашим Величеством, — служанка зашептала ещё быстрее, словно опасаясь, что сам воздух передаст её слова нежеланному гостю. — И кричал так... будто не человек, а демон из глубин. О том, что хочет... хочет кого-то. Такого я ещё не видела!

Янэс опустила глаза на книгу, но не читала. Слово «хочет» заставило её пальцы мимолетно и бесчувственно скользнуть по краю страницы. Это было не предчувствие, а логическое осознание неизбежного. Ярость гостя была лишь фактом, одним из многих в долгой жизни её бабушки. И всё же...

— Подойди, — произнесла она, и её тон был приказом, абсолютно лишенным тепла. — Поправь мои волосы. Они от ветра потеряли совершенство.

Служанка, дрожа, подошла и начала аккуратно укладывать белоснежные, холодные пряди, стараясь не коснуться кожи своей госпожи, которая казалась ей теперь ещё более далекой и недоступной.

— Он направляется сюда, — сказала Янэс ровно, как будто сообщая о погоде. — В этом направлении. Это очевидно.

Через пять минут...

Он вошел, не ожидая разрешения. Янэс обернулась, и её холодное равнодушие на миг столкнулось с чем-то, чему в её каталоге ощущений не было названия.

Перед ней стоял мужчина, которому и двадцати пяти не дашь. Черные, как воронье крыло, волосы, блестящие и тяжелые, спускались ниже пояса, сливаясь с темнотой его одежды. На его голове покоилась огромная, громоздкая корона из черненого серебра и темных самоцветов — символ власти, который он носил не как украшение, а как оружие.

Под тяжестью короны проступали изящные и одновременно грубые черты лица — будто тончайший мраморный рельеф был намеренно испорчен ударами молота. Высокие, резко очерченные скулы сочетались с жесткой линией челюсти, а излом бровей придавал взгляду не просто жестокость, а первобытную, неотёсанную мощь. Это было лицо, в котором утонченность аристократа боролась — и проигрывала — дикой, необузданной силе, скрывавшейся под бледной кожей.

Его тело, утонченное и сильное, было облачено в безупречно сидящие черные одеяния, подчеркивавшие аристократическую худобу и скрытую мощь. Они идеально оттеняли его смертельную бледность. Но маска была живой. И смотрела на нее.

Его глаза были словно выжженные ямы. Не просто темные, а пустые, поглощающие свет. И в них не было ни похоти, ни простого желания. Он смотрел на Янэс так, словно видел не девушку в легком платье, а явление. Чудо, о котором читал в запретных гримуарах. Артефакт невероятной мощи. Сокровище, уже мысленно положенное на свою чёрную полку. Он молча подошел ближе, не сводя с неё этого испепеляющего, лишённого всякой человечности взгляда. Из складок его одежды возникла рука в черной перчатке. В длинных, изящных пальцах он держал цветок. Он был черно-алым, словно запекшаяся кровь на ночном бархате. Лепестки были неестественно жесткими, будто выкованными из металла, а аромат от него тянулся тяжелый, приторно-сладкий, с горьким, ядовитым шлейфом.

Король протянул цветок. Жест был не ухаживанием, а актом обозначения права собственности.

— Я тебя забираю, — прозвучал его голос. Он был тихим, но в нём гудела сталь и абсолютная, не допускающая возражений уверенность. — Ты моя.

Он не спрашивал. Он констатировал факт, как если бы объявил о смене времён года.

Глава 2

Путь оказался долгим, тихим и невыносимо однообразным. Они ехали в разных каретах. Янэс — в запертой, усиленной нового «владельца», с пятью безликими стражниками, чьё молчание было таким же непроницаемым, как и бронированные стенки экипажа. Король — в своём собственном, чёрном, как его душа, возглавляя процессию, будто катафалк.

Их вывели из замка внезапно и без церемоний. Ни служанки, ни её привычных лёгких одежд, словно стерли её прежнюю жизнь одним взмахом. Вместо них ей вручили — без слов, просто бросили в карету — странный комплект. Одевание напоминало охотничье, но было переосмыслено в духе чёрной металлической эстетики Финсельбурка. Ткань, облегающая как вторая кожа, прочная и гибкая, была снабжена жестким корсетом и ламинарными накладками, похожими на элементы доспехов. Одежда была тёмной, практичной и закрывала всё тело.

И это было... единственное, что не причиняло боли. Она скрывала следы. Не просто следы, а память о цепях. Большую часть своей жизни она провела в них — магических ограничителях, надетых ей бабушкой и придворными магами «для её блага». «Это поможет тебе контролировать энергию внутри себя, дитя. Это защитит тебя от тебя самой», — звучал в голове бархатный, ледяной голос Агатињес, пока холодный металл впивался в её запястья, щиколотки, горло. Охотничье обличье короля скрыло эти старые, белесые рубцы. Под плотной тканью она могла притвориться целой. Но это была ложь. Потому что цепи были не снаружи. Они были внутри. Им не нужен был металл. Им хватало одиночества.

Вот что это было на самом деле. Грандиозная, бесконечная мука одиночества. Её воспитывали как сокровище, как артефакт, как оружие. Не как личность. Никто не смел прикоснуться к ней без ритуала, никто не смотрел ей прямо в глаза, никто не говорил с ней о пустяках. Её мир состоял из книг, вида из окна и тихих шагов служанок, которые боялись поднять на неё взгляд. И вот теперь, в этой карете, это одиночество обрело физическую форму. Её везли, как вещь. Стражники дышали скучно и ровно. За стенкой, в чёрной карете впереди, молчал тот, кто называл её своей. И она сидела, стиснув зубы так, что челюсти ныли, глядя в окно на мелькающие деревья, и внутри неё кричало от тоски по обычному слову, по случайному прикосновению, по чьему-либо взгляду, в котором была бы она, а не её предназначение, не её сила, не её проклятая кровь.

Что задумала королева? Этот вопрос грыз её, как голодный зверь. Великая Агатињес, всевидящая и всезнающая, не могла просто отдать свою единственную внучку, своё сокровенное оружие, этому... мрачному королю-палачу. Это был ход. Часть игры, в правила которой Янэс никогда не посвящали. Отдавала ли она её в жертву? Или, наоборот, бросала в самое пекло, чтобы та, наконец, вспомнила, кто она? Или, может, бабушка увидела в этом короле что-то, что могло... сломать её цепи? Нет. Это было безумием. Бабушка сама их выковала. Янэс чувствовала себя пешкой, которую передвинули на самую опасную клетку доски, и даже не потрудились объяснить зачем. От этой мысли одиночество становилось еще острее, превращаясь в ледяную, тошнотворную пустоту в самой глубине живота. Она была абсолютно, вселенски одна.

Внешне же ничего не изменилось. Её лицо, обрамлённое белоснежными волосами, оставалось безупречно спокойной маской, фарфоровой куклой за стеклом. Ни одна слеза не осквернила её щёк. Она даже дышала ровно. Но если бы кто-то мог заглянуть внутрь, туда, где должна была быть душа, он увидел бы лишь сплошную, кровавую рану, немую сцену отчаяния, от которого сжимается сердце и перехватывает дыхание. Она страдала так тихо, что эта тишина была громче любого крика.

И дорога вела их через огромный Магический Лес. Он был древним, полным жизни, но что-то было не так. Звери опасались приближаться. Лесная чаща вокруг их процессии зами-

рала, становясь мертвенно тихой. Ни птиц, ни духов, ни шелеста в подлеске. Словно сама природа в страхе замирала, ощущая то, что везли в этих двух каретах: бездонную тьму впереди и тихо горящее, одинокое отчаяние — сзади.

И вот, под конец этого бесконечного пути, сквозь муку одиночества и непонимания, проросло новое, жгучее и абсолютно иррациональное чувство. Она жаждала того взгляда.

Того самого, каким он смотрел на неё в её покоях. Взгляда, который был лишён человечности, но в котором была тотальность. Он не видел в ней девушку, запертую в башне, не видел пешку. Он видел Чудо. Его взгляд был ужасен, пуст и поглощающим, но таким манящим, видящий именно её. Не легенду, не угрозу, а именно её суть, мощь — и желал это безраздельно, с животной, не знающей сомнений яростью.

Ей было непонятно данное желание. Это не было благодарностью. Не было симпатией. Это была голодная, болезненная тоска по тому единственному моменту, когда её существование было признано — пусть и в форме обладания, пусть и взглядом, выжигающим душу. В тишине своей кареты, под перестук колёс, она ловила себя на мысли, что ждёт, когда он снова посмотрит на неё. Чтобы снова почувствовать, что она — не призрак. Что она — реальна. И это непонимание того, что она чувствует, эта смесь ужаса и тяги, была почти такой же мучительной, как и одиночество.

Мир вокруг молчал в страхе. А она внутри сгорала от вопросов без ответов и чувств без названий.

Телепортация произошла неожиданно — без вспышек света или привычного гула магического вихря. Мир за окном кареты просто сменился, как декорация. Одна секунда — мелькающий край Магического Леса, следующая — вымощенный черным камнем внутренний двор чудовищного по масштабам дворца. Это было нарушением всех законов: порталы такой силы, ведущие прямо в сердце королевской цитадели, были невозможны. Или он был настолько силен, что законы для него — просто слова.

Янэс ещё не успела осмыслить этот факт, не успела даже разглядеть готические шпили, впивающиеся в пепельное небо Финсельбурка, как дверь её кареты (которая не издала ни звука) распахнулась.

Сильные руки в грубой кожаной перчатке впились в неё. Её резко выдернули из полумрака, перевернули и закинули на плечо, как мешок с зерном. Воздух вырвался из её лёгких от неожиданности и неловкого положения. Прежде чем успело прийти возмущение — дерзость! Кто смеет?! — она почувствовала, как та же рука нагло, без тени смущения, легла ей на нижнюю часть спины, прижимая и одновременно глядя тяжелым, собственническим движением.

Она не видела лица. Не успела крикнуть. Только почувствовала запах кожи, стали и той же приторной сладости, что исходила от его чёрно-алого цветка. И тут же — резкий, точный удар по определённой точке на шее, скрытой под её белоснежными волосами.

Её мир погас беззвучно и мгновенно.

Спустя время...

Сознание вернулось к ней мягко, будто она всплывала со дна тёплого, тёмного озера. Она лежала на спине на чём-то невероятно удобном. Открыв глаза, Янэс увидела высокий, сводчатый потолок. Вместо ожидаемых гротескных горгулий и мрачных барельефов, над ней сияла изящная фреска с изображением звёздного неба — бескрайнего, спокойного и невероятно детального.

Ощувив под спиной упругость, она медленно поднялась, понимая, что находится в тронном зале. Однако это пространство, вопреки всем ожиданиям, отнюдь не напоминало мрачный склеп — оно было залито ярким, холодным светом, который лился с огромных витражных окон, играя на каждой поверхности. Повсюду, будто бросая вызов каменной твердыне, буйствовала зелень: в массивных каменных кадках, в свисающих с балок плетёных корзинах, раскинулись папоротники, плющи и странные растения с серебристыми, будто припудренными

инеем, листьями. И повсюду же, создавая жутковатый, но совершенный контраст этой живой плоти, стояли, вились и мерцали те самые чёрно-алые цветы — металлические, отточенные в своей красоте и откровенно ядовитые, будто застывшие капли крови на фоне ночи.

В центре, восседая на величественном троне, вырезанном из тёмного дерева и инкрустированном чёрным кварцем, сидел король. Сидел он, однако, не как властелин, готовый вершить судьбы, а с откровенной, подчёркнутой скукой — откинувшись на спинку, перекинув одну ногу через подлокотник, в позе, полной презрительного небрежения. Его волосы, чёрные, как смоль, тяжёлыми прядями струились по трону, спускаясь даже на пол; корона же, лежащая на его голове, казалась единственной досадной тяжестью. А глаза, эти выжженные, пустые ямы, были прикованы к ней — наблюдая за тем, как она приходит в себя, с тем же отстранённым, холодным интересом, с каким смотрят на механическую куклу, у которой вот-вот должны заработать шестерёнки.

Не проронив ни единого слова, он медленно, с преувеличенной ленью поманил её пальцем. Сам жест, в своей умышленной простоте и фамильярности, был унизителен — точь-в-точь как подзывают собаку, не устаивая её даже имени.

Янэс, всё ещё ощущая лёгкое головокружение и тяжесть в конечностях, поднялась на ноги, замечая, что её охотничья одежда, странным образом, не помялась. Внутри же всё кричало — от унижения, от неопределённости, от яростного протеста, — однако лицо её оставалось гладким, непроницаемым льдом. Сделав несколько шагов по направлению к трону, она уже собралась было склониться в том холодном, церемонном поклоне, который был вбит в неё годами привычкой и дисциплиной. Не успела даже начать движение...

Его рука метнулась вперёд со змеиной, обманчивой быстротой, и длинные, холодные пальцы вцепились ей в горло — не сдавливая дыхание, нет, но с такой сокрушительной, неумолимой силой, что острая, жгучая боль пронзила шею и отдалась глухим гулом в висках. Притянув её к себе, заставив встать на цыпочки, он теперь смотрел на неё сверху вниз, а она, захваченная этим мертвенным взглядом, глядела в его бездонные глаза с расстояния всего в одну ладонь.

— Запомни раз и навсегда, — его голос был тихим, ледяным, и каждое слово падало отдельно, подобно осколку стали, разбивающемуся о камень. — Ты моя. Предательства не потерплю. Никто, слышишь, **никто** не имеет права прикасаться к тебе, кроме меня. Даже мысль об этом — смерть для того, кто её возымел. Даже служанки. Ты служишь мне. Твоё место — рядом. Днём и ночью. Забудь, что в твоих жилах течёт королевская кровь. В моём королевстве ты — никто. И даже статус невесты, — он презрительно, с отвращением выдохнул это слово, — тебе ничего не даёт. Его так же легко отнять, как сорвать цветок.

Произнёс он это не со злостью, не с гневом, но с леденящей, абсолютной уверенностью в своей неоспоримой власти. И затем, одним резким, почти небрежным движением, отшвырнул её от себя. Янэс, потеряв равновесие, отлетела к стене и ударилась о холодный камень плечом; острая, пронизывающая боль тут же пронзила всё тело, но она подавила даже малейший звук, лишь до боли стиснув зубы, чувствуя, как на глаза наворачиваются предательские слёзы.

Не обращая ни малейшего внимания на её страдание, король лишь щёлкнул пальцами. И из тени колонны, будто материализовавшись из самого мрака, вышел слуга в простом, аскетичном чёрном одеянии, с лицом, полностью скрытым глубоким капюшоном. В его руках был неброский деревянный ларец; на бархатной подушке внутри лежал один-единственный лист пергамента и серебряное, холодно поблёскивающее перо.

— Поставь свою подпись, — приказал король, даже не удостоив её взглядом, будто речь шла о самой обыденной, скучной формальности. — Это договор. Магически нерушимый. Он обязывает тебя не причинять мне вреда — ни действием, ни словом, ни мыслью. И в равной мере обязывает меня не причинять вреда тебе. Никогда и ни при каких обстоятельствах.

Янэс, всё ещё потирая онемевшее, ноющее плечо, сделала шаг к ларцу. Её ум, однако, лихорадочно работал, анализируя каждую деталь: «Защита для неё? Нет, слишком просто, слишком... неестественно».

Король медленно, будто через силу, поднял на неё взгляд, и на его тонких губах расплылась та самая, мерзкая, хищная улыбка, полностью лишённая тепла.

— И это не потому, что я чего-то боюсь, — прошипел он, и в глубине его выжженных глаз вспыхнуло что-то неуравновешенное, дикое и жестокое. — А потому, что я могу тебя убить. В любой момент. Когда только захочу. Этот договор — не твоя защита. Это моё напоминание, о том, что твоя жизнь удерживается на этой бумаге не моей милостью, а лишь скукой. Подписывай.

Янэс взяла холодное, почти ледяное перо. Её рука, к её собственному удивлению, не дрогнула ни на секунду. Внутри же всё сжалось в тугую, болезненный комок — сплетение унижения, первобытного страха и ледяной, молчаливой ярости. Она поставила свою подпись — изящный, выющийся вензель, который в этот миг выглядел не печатью рода, а клеймом, меткой рабыни. Перо вспыхнуло короткой, ярко-синей вспышкой, впитывая подпись в самую плоть пергамента; договор вступил в силу.

Король, наконец, отвёл взгляд, словно мгновенно потеряв к ней всякий интерес, будто только что подписанный документ окончательно стёр её из поля его внимания.

— Отведите её в покои, — бросил он через плечо слуге, уже глядя куда-то в пространство. — Те что рядом с моими. И принеси ей еды. Пусть привыкает к новому дому.

Её снова увели, но на этот раз она шла сама, выпрямив спину в струнку, с лицом, застывшим и непроницаемым, словно изваяние из самого белого мрамора. На её шее, однако, алели свежие, отчётливые следы его пальцев, а на душе лежал тяжёлый, холодный, как глыба льда, груз нового статуса: не невеста, не пленница, а вещь, чья хрупка

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.